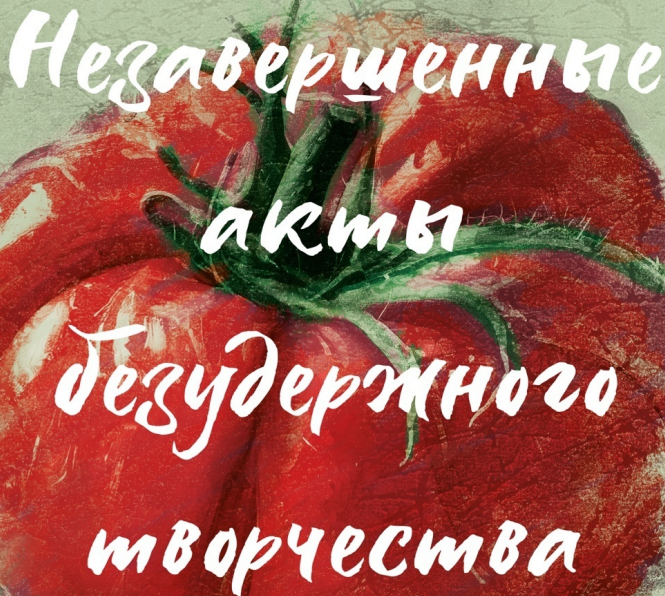

Удивительный роман о неизбежности семейных закономерностей... Это сокрушительный, впечатляющий гимн бескорыстной семейной любви.

Foreword Reviews

Незавершенные акты безудержного творчества

Автор, похоже, напоминает, что...
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ — ЭТО ОДИН
из способов отпраздновать любовь.

Literary Mama

Сара Ям

18+

Сара Ям
**Незавершенные акты
безудержного творчества**
Серия «Большой роман (Аттикус)»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74120837
Незавершенные акты безудержного творчества:
ISBN 978-5-389-33930-9*

Аннотация

Говорят, плохая примета – знакомиться на похоронах. Но именно там встретились Луиза и Леон. Она – дочь последовательницы Фрейда, воспитанной в нью-йоркской ортодоксальной еврейской семье, он – начинающий психотерапевт. На первом же свидании они умудряются вызвать друг у друга неприязнь, однако вторая, почти случайная, встреча все меняет. Так начинается история семьи Розенберг – иногда смешная, иногда до оторопи абсурдная и пронзительная до слез. Все у них складывается хорошо, до тех пор пока Луиза не узнаёт о своей болезни, той самой, что медленно, но неотвратимо свела в могилу мать, и не решает самостоятельно распорядиться оставшимся временем жизни. Чего больше в этом поступке – самоотречения или эгоизма? Трудно сказать, ведь любовь ничем не измеришь, но она всегда сильнее смерти.

Впервые на русском!

Содержание

Часть первая	5
Заупокойная речь	5
Тоскливые запеканки	26
Часть вторая	52
Розенберг-младшая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сара Ям

Незавершенные акты безудержного творчества

*Моей матери, которая подарила мне первые
строки этой книги,
и моей дочери, чье рождение сделало
необходимым ее написание*

© И. А. Тетерина, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Часть первая

1974

Заупокойная речь

1974

– Мою мать воспитывали ортодоксальной еврейкой, а когда она выросла, то стала ортодоксальной фрейдисткой, поэтому патологизировала меня с религиозным пылом, – сказала Луиза ничем не примечательному молодому мужчине, который сидел с ней рядом. – Это напрочь искорежило мою психику.

На последней фразе голос надломился, и Луиза ненавидела себя за это. Вообще-то, она собиралась произнести поминальную речь вызывающе, а не жалобно. Текст она мысленно сочиняла на протяжении многих недель и весь день проговаривала про себя – сперва во время службы, потом на нескончаемой шиве¹. Луиза решила, что, раз уж не получилось произнести его в синагоге, можно сделать это за шаббатным ужином у Шошанны Тейтельбаум, присев на уши какому-нибудь поцу, которому не повезет пристроиться рядом

¹ *Шива* – семидневный траур в иудейской традиции. – *Здесь и далее примеч. перев.*

с ней.

– Я всегда задавался вопросом, каково это – расти в семье психоаналитика, – с неподдельным интересом произнес мужчина, чье имя вылетело у Луизы из головы, хотя ей, по большому счету, было плевать.

– Довольно дерьмово, – отозвалась та, сделав еще глоток вина.

Он ее перебил, что вызвало у Луизы легкое недовольство. В конце концов, это поминальная речь, а не философский семинар.

– Нет, правда, – сказал мужчина, наклоняясь к ней. – Мне в самом деле интересно знать. Я учусь на психоаналитика, и мне очень хотелось бы заранее подготовиться, чтобы по возможности не искорежить психику моим гипотетическим будущим детям.

Луиза впервые за все время внимательно на него посмотрела. У него была окладистая борода, которая странным образом делала его моложе; кудрявая шевелюра, в эту августовскую жару буйно рвавшаяся ввысь, и решительно несвежая рубашка с бурым пятном на воротничке. Среди облаченных в твидовые пиджаки и колготки Шошанниных гостей он выглядел таким же растрепанным и неуместным, как и она, еще один беженец-неформал, пришедший поужинать на дармовщину в пятницу вечером.

– Как, вы сказали, вас зовут? – спросила Луиза.

– Леон, – ответил тот, протягивая руку.

– А я Луиза, – сказала она, пожимая ее.

– Я помню, – ухмыльнулся он. – Я внимательно слушал, когда нас представляли.

Луиза пожала плечами. Она честно заработала право быть невежливой до конца недели, до конца месяца – может, даже до конца года.

– Ну и каким образом ваша мать искорежила вам психику? – спросил он.

– Ну...

Она запнулась, внезапно смешавшись.

Это не были какие-то отдельные происшествия или предательства. Это было постоянное ощущение, что, где бы она ни находилась и чем бы ни занималась, мать знает самые сокровенные ее мысли. Неослабевающая уверенность в том, что ее череп – всего лишь тонкая, ничего не значащая скорлупка, и мать, вооруженная молотком и стамеской, вечно маячит где-то поблизости, чтобы в любой момент аккуратно вскрыть ее и произвести инвентаризацию содержимого.

Все вокруг поплыло. Луиза сунула в рот кусок халы и с облегчением обнаружила, что ее тело по-прежнему ей подчиняется; что она по-прежнему способна жевать, глотать и чувствовать вкус.

– Не знаю даже, с чего начать, – произнесла она, не обращая внимания на то, что говорит с набитым ртом.

– Может, это просто профессиональная деформация, – предположил Леон. – Потребность анализировать собствен-

ных детей.

– О нет. Фрейя Ракофф рамками профессионального долга не ограничивалась. – Луиза почувствовала, как внутри вскипает знакомый гнев, и все вокруг опять обрело четкость; она пронзила воздух пальцем. – К примеру, моя мать все недомогания считала психосоматикой. Я даже таблетку аспирина от головной боли не могла получить, не признавшись ей, что не так на самом деле. Когда мне было восемь, я заболела скарлатиной, но она списала боль в горле и температуру на проявление сепарационной тревоги, поэтому лишь через неделю отвела меня к врачу.

– Скарлатиной? Seriously? – поразился Леон. – Ею до сих пор кто-то болеет?

– Нет, – отрезала Луиза. – Только я.

Она посмотрела на лежащую на тарелке грудинку, но от вида холодного жира к горлу подкатила тошнота, поэтому вместо грудинки она сделала еще глоток кьянти.

– И это еще цветочки. Она отправила меня на психотерапию, потому что в детстве я была застенчивой и вызывающе себя вела. Как мне удавалось совмещать одно с другим, не очень ясно, но, по-видимому, как-то удавалось. – Она поставила бокал на стол, чтобы придать своим словам веса, и вино, расплескавшись, окрасило халу в тускло-красный свет. – А психолог, такая грозная немецкая еврейка, каждую неделю задавала мне один и тот же вопрос: «А нет ощущения, что у тебя когда-то был пенис, а потом его отрезали?»

Луиза умолкла, вспоминая темный кабинет миссис Баруш с толстыми коврами и глубокими креслами, которые каким-то непостижимым образом были одновременно слишком мягкими и слишком жесткими.

– А оно у вас было? – Леон смотрел на нее во все глаза.

– Что было?

Вторая половина Луизиной халы впитала в себя подливку и стала серой и размякшей.

– Ощущение, что у вас когда-то был пенис, а потом его отрезали?

Луиза сощурилась на него:

– Нет, разумеется! Я же не идиотка. Но в конце концов мне в голову пришла мысль: если я скажу, что действительно считаю, будто меня кастрировали, то, может быть, не придется каждый вторник ходить к ней, пропуская театральный кружок. – Луизе показалось, что она слегка переигрывает, но никаких конвенциональных норм произнесения заупокойной речи на званом ужине не было, поэтому она добавила: – И надо же, как только я выдала: «Да, миссис Баруш, я и в самом деле думаю, что у меня когда-то был пенис, а потом его отрезали», больше меня к ней не водили.

– Фрейдисты совсем ку-ку, – кивнул Леон; лицо его покраснелось от вина. – Будем честны, иногда сигара – это просто пенис вашего отца, курящий сигару.

Смех Луизы прозвучал как автомобиль, пытающийся перевернуться.

– Иногда, – произнесла она, главным образом чтобы себя развлечь, – сигара – это просто пенис вашего отца с усами Граучо Маркса², курящий сигару.

К ее изумлению, Леон подхватил эту игру.

– Иногда сигара – это просто пенис вашего отца с усами Граучо Маркса и наклейкой для бампера «Эта машина убивает фашистов», курящий сигару³.

– Это бред! – запротестовала Луиза, но мужчине удалось произвести на нее впечатление, и оба они это знали. – Как на пенисе может быть наклейка для бампера?

– А как на пенисе могут быть усы? – Он ткнул в ее сторону вилок. – Ваша очередь.

Она зависла, очутившись где-то между этим столом и старым «фордом» матери в жаркий июньский день. Они ехали в Катскильские горы, и ее голые ляжки прилипали к кожаному сиденью. «Твоя очередь», – сказала мать. Луизе было шестнадцать; они играли в игру «Я иду на пикник», как всегда в долгих поездках, и дошли уже до буквы «л». «Ладно, – сказала она, пытаясь придумать что-то такое, что произведе-

² *Граучо Маркс* (1890–1977) – американский актер, комик, участник комик-группы «Братья Маркс». Сценический образ Граучо Маркса – очки, черные нарисованные брови, щетинистые усы и сигара во рту.

³ «*Эта машина убивает фашистов*» – наклейка на гитаре американского музыканта, исполнителя фолка и кантри Вуди Гатри. С этой гитарой он выступал в 1940-х годах. Фраза была позаимствована у американских рабочих, которые писали ее на своих станках, производивших продукцию военного назначения во время Второй мировой войны, и стала крылатой.

ло бы впечатление на мать. – Я иду на пикник и несу с собой ледоруб, которым убили Льва Троцкого». Но вместо того, чтобы восхититься ее эрудицией, мать обернулась к ней и своим спокойным ровным голосом, который Луиза ненавидела до трясучки, произнесла: «Меня беспокоит твоя латентная склонность к насилию». В этот миг Луиза осознала, что это, разумеется, никакая не игра и никогда игрой не было; что каждое лето, каждый дурашливый раунд, мать исподволь вскрывала ее черепную коробку, аккуратненько долбила ее своей стамесочкой – тук-тук-тук, – чтобы проникнуть внутрь.

– Я жду, – напомнил о себе Леон.

Луиза вонзила ногти в ладонь, ощущая, как контуры ее тела обретают четкость.

– О'кей, о'кей, – произнесла она, но тут долговязый парень заиграл на расстроенной гитаре израильскую народную песню, и перед глазами опять все поплыло, и перестало хватать воздуха.

Гортанные звуки иврита вновь перенесли ее на шиву в гостиную родительского дома (неужели это было только сегодня утром?), когда раввин принялся читать кадиш⁴. Луиза стояла и упрямо молчала, глядя на всех этих незнакомцев, по такому случаю в кои-то веки обрядившихся в ермолки и бормочущих вслед за раввином слова молитвы.

«Хватит притворяться! – хотелось завопить ей. – Моя

⁴ *Кадши* – молитва в талмудическом иудаизме.

мать всю свою жизнь пыталась сбежать от иудаизма. Не надо навязывать его ей после смерти. Может, я ее и ненавидела, но, по крайней мере, я ее знала!»

И тут, прямо посреди кадиша, она согнулась пополам, хватая ртом воздух, потому что внезапно поняла: теперь, когда матери не стало, она по-настоящему не знает ни одной живой души на земле. Они изучали друг друга два десятилетия, пока каждый жест, каждая пауза, каждый взгляд не оказались нагружены разделенным значением и тщательно возвращенными взаимными обидами. И хотя всем, чего Луиза хотела всю свою жизнь, была свобода, теперь, получив ее, она осталась совершенно, абсолютно одна.

Чтобы продышаться, ей пришлось выйти из комнаты, и, едва она выскользнула в кухню, включилась мышечная память. Не успела Луиза опомниться, как уже неслась вниз по лестнице, ведущей в подвал, потом выскочила через заднюю дверь и, пробравшись теми же самыми дворами, что и каждые выходные в подростковом возрасте, села в поезд до города. А потом каким-то образом очутилась здесь.

Шошаннины гости отложили ножи с вилками и принялись подпевать, отбивая рваный ритм ладонями по столу. Ее стакан звенел, вода норовила выплеснуться через край. Пение гудело в ушах и жалило кожу. Ее тело требовало движения – Луиза повернулась к Леону.

– Кажется, он намекает, что мне пора, – произнесла она, кивнув на посредственного музыканта и усилием воли сдер-

жав дрожь в голосе.

– Я выйду с вами, – отозвался он с полным ртом грудинки.

На улице было тихо. Они неловко топтались перед домом Шошанны под осуждающими взглядами гаргулий. Ей не хотелось возвращаться в свою конуру в центре. Перспектива в одиночестве сидеть в тесной спальне вызывала желание съестись в комочек прямо тут, посреди Вест-Энд-авеню. Что ей сейчас было нужно, так это зоологическое утешение другого человеческого тела.

– Не хотите пройтись? – предложил Леон, глядя себе под ноги.

Она слишком устала, чтобы нянчиться с его застенчивостью.

– Я очень признательна вам за старомодную галантность, но давайте просто поедем к вам?

В повисшей следом тишине Луиза успела подумать, что, наверное, просчиталась, и под ее напускной бравадой он чувствует отчаяние, подобное пробивающемуся запаху пота.

– Ого, – сказал Леон. – А вы не любите ходить вокруг да около.

– Нет, – отозвалась Луиза. – Не люблю.

Она взяла его за руку и сжала ее.

– Не знаю даже, пугает это меня или радует, – произнес Леон, но она была сосредоточена на плотской реальности его руки, теплой и надежной.

В глубине души она боялась, что та окажется холодной и

безжизненной, поскольку в тот же миг, как она увидела труп матери, ее накрыло безжалостным осознанием, что человеческое тело – это всего лишь мясо.

Леон сжал ее руку в ответ, и Луиза ощутила, как ее собственная теплая плоть отзывается на это пожатие, с облегчением почувствовав, что ее кровь течет и пульсирует, течет и пульсирует, течет и пульсирует, каждым толчком сердца напоминая, что она реально существующая девушка в реально существующем теле.

Потом, поздним вечером, они лежали в постели в квартире Леона, передавая друг другу картонную банку с мороженым «Хаген-Дас». Хотя был август, Луиза дрожала.

– Дать тебе плед? – спросил Леон.

Луиза кивнула – Леон откинул одеяло, голышом присел перед шкафом и без малейшего стеснения принялся рыться в коробках, предоставив ей возможность любоваться его задницей и болтающейся мошонкой. Луиза с удивлением отметила, что это зрелище не вызывает у нее отвращения. Он вернулся с пледом в радужную полоску, слегка пахшим затхлостью, и бережно укутал ее, прежде чем выйти из комнаты и скрыться за дверью отвратительной крохотной уборной.

Оставшись в постели в одиночестве, она почувствовала, что снова начинает растворяться, пока не повернулась на другой бок и не ощутила, как в задницу ей впилося что-то острое и неоспоримо реальное. Несколько секунд пово-

жившись, она вытащила блокнот на пружине, конец которой разогнулся и торчал. Она знала, что не следует этого делать, но все равно пролистала страницы. Рисунки показались ей бессмысленными, но были объективно очень красивы – карты Нью-Йорка, начерченные в средневековой манере; скопище чудищ в подземных туннелях; каменная башня, покрытая загадочными символами; женщина со злыми глазами в цветастом халате и с сигаретой во рту; дракон, застывший в воде у берегов Кони-Айленда. На каждой странице в левом верхнем углу значилось чье-то имя. Луиза взглянула на обложку, на которой округлым каллиграфическим почерком было выведено «Карточки пациентов». Ей вспомнились карточки, которые вела на своих пациентов мать, – разноцветные блокноты, исписанные убористым курсивом, в котором буквы жались друг к другу, точно измученные беженцы. Леон спустил воду в туалете и принялся чистить зубы. Она поспешно затолкала блокнот обратно под одеяло разогнувшейся проволокой от себя.

– Готов ко сну? – спросила она, приподнимая краешек пледа.

Он плюхнулся на кровать и прижался к ее боку. Она позволила ему уснуть, уткнувшись носом ей в грудь, но сама не спала: слушала шум такси на Амстердам-авеню и думала о том, какие образы роятся в ее голове – что нарисовал бы Леон: виолончель, прислоненную к окну; женщину, стоящую в дверном проеме с воздетыми кверху ладонями; вскрытую

черепную коробку с мыслями, распятыми, точно бабочки, на пробковой доске.

В ту ночь Луизе приснилось, что она в постели Леона, но на самом деле это был кораблик, который швыряли туда-сюда волны. Они с Леоном ласкали друг друга, как до этого вечером, но, когда она наклонилась, чтобы взять в рот его пенис, то увидела фигуру, сидящую в шезлонге в углу спальни. Она вглядывалась сквозь заросли лобковых волос Леона, пока расплывчатый силуэт не обрел четкость. Это оказалась ее мать, одетая для круиза или отпуска где-нибудь на модном курорте в струящуюся хламиду и сандалии. Однако волосы ее были собраны в тугий пучок, который она носила на работу, а на переносице красовались очки. Она внимательно наблюдала за Луизой с Леоном и время от времени делала пометки в своем желтом разлинованном блокноте.

– Фелляция – одна из наиболее примитивных форм сексуальности, Луиза. Впрочем, нет ничего удивительного в том, что после смерти матери ты регрессировала к оральной фазе. К психосексуальному переоткрытию соска.

Луиза хотела ответить, но пенис Леона во рту разбух, мешая говорить. Мать продолжала, размазывая по обнаженным рукам молочко для загара:

– Я также нахожу весьма любопытным то обстоятельство, что ты встречаешься с чередой неподходящих мужчин, а потом, стоит мне умереть, немедленно прыгаешь в койку с ев-

рейским психотерапевтом из Квинса, который учится в моей альма-матер. И снова я повторяю: психосексуальный возврат к соску. Но это не сработает, – добавила она, словно запоздало спохватившись, и завинтила крышечку на молочке для загара. – Все, кроме нас с тобой, чужаки.

Лодка резко накренилась, и Луиза откатилась от Леона. В рот ей хлынула соленая вода.

Она проснулась резко, как от толчка, почти ожидая увидеть мать, но вместо нее увидела Леона – он стоял в дверях, протягивая ей кофе в щербатой голубой кружке. На мгновение Луизе показалось, что кровать так и осталась лодкой. Она уселась, натянув одеяло до подмышек, чтобы прикрыть грудь, и попыталась стряхнуть с себя остатки сна. Леон улыбнулся ей. Его кудрявые волосы пушистым ореолом окружали голову. Во рту у Луизы по-прежнему стоял привкус соленой воды, точно желчь, подкатывавший к горлу. Она подумала, что надо уходить.

– Мне было хорошо прошлой ночью, – произнес Леон, но улыбка уже понемногу отступала при виде безучастного выражения на лице Луизы.

Он поморщился, как будто заранее жалел о том, что собирался сказать.

– Мне понравилось заниматься с тобой любовью.

В висках у Луизы застучало. А они занимались любовью? Она понятия не имела, что он вкладывал в эти слова. От него исходило ощущение надежды, которое она чувствовала как

что-то осязаемое через всю комнату. «Все, кроме нас с тобой, чужаки».

– Ненавижу это выражение, – сказала она.

– Какое выражение?

– «Заниматься любовью».

– А что с ним не так? – ровным тоном спросил Леон, все еще пытаясь спасти положение.

– Это эвфемизм, вот что с ним не так.

– И что, по-твоему, я должен был сказать? «Я доволен, что прошлой ночью мы трахались. Давай потрахаемся еще раз»? – Леон скрестил руки на груди.

Луизе показалось, что даже кудри у него на голове завились ту же в целях самозащиты.

– Да. – Луиза откусила это слово и держала во рту, пока горечь не расползлась по всему нёбу и не стекла в горло, окончательно перебив вкус соленой воды. – Идеальная формулировка.

Вот теперь она полностью проснулась. Спор изгнал все остатки сна.

– Ты только вчера со мной познакомился. Может, я даже тебе и нравлюсь, хотя, судя по выражению лица, ты уже далеко не так в этом уверен. Но ты совершенно точно меня не любишь. Эвфемизмы – скользкая дорожка. Она начинается с чего-нибудь маленького и невинного, вроде «заниматься любовью» вместо «трахаться», а потом ты не успеваешь оглянуться, как уже говоришь «уйти» вместо «умереть»...

Она ненавидела эту фразу – как будто смерть была нежной, как будто тела перемещались из одного измерения в другое, а не превращались в нечто разлагающееся и кишашщее червями, беспощадное и неприглядное. Ее ноздри наполнились сладковатым запахом гниения, которым была пропитана комната ее матери. Неужели прошло всего четыре дня с тех пор, как она сидела там в ожидании и надежде, что ее мать умрет уже наконец, в то время как та хрипела и отчаянно хватала ртом воздух? Удушье, так называли это врачи.

Луиза сделала глубокий вдох, наполняя свои недостойные здоровые легкие кислородом, потому что единственное, что было реальным, – это удушье, а не мучительные поиски нежности.

– «Уйти» вместо «умереть», – повторила она, потому что сбилась с ритма. – «Эвтаназия» вместо «добивания калек».

Леон закатил глаза, в мыслях уже явно доведя этот спор до единственно возможного логического конца. Луиза понимала, что надо бы остановиться, но уже не могла.

– ...а потом уничтожаешь евреев и называешь это «окончательным решением еврейского вопроса».

Леон с отвращением покачал головой:

– Господи Иисусе, Луиза, если ты не хочешь больше меня видеть, просто так и скажи. Не нужно уподоблять меня Гитлеру. – С преувеличенной осторожностью, как будто протягивал кусок мяса дикому зверю, он поставил кофе на прикроватную тумбочку. – Когда будешь уходить, прощаться не

обязательно.

С этими словами он поспешно вышел из комнаты, оставив голую Луизу в одиночестве под радужным пледом. Она изо всех сил старалась не представлять себе обиженное лицо, с которым он расхаживал по гостиной за стеной.

Ее платье комком валялось в углу. На нем отчетливо виднелось жирное пятно – по всей видимости, смесь красного вина с цимесом⁵. Она торопливо оделась и проскользнула из крохотной спальни в такую же крохотную уборную, расположенную по другую сторону узкого коридора. Потом пошарила по полкам аптечного шкафчика в поисках аспирина, но его там не обнаружилось.

«Ну разумеется, – подумала она. – Всю мою чертову жизнь мне приходится ужом изворачиваться, чтобы раздобыть аспирин».

Пузырек наконец отыскался под раковиной, за запасным рулоном туалетной бумаги, и Луиза всухую проглотила две таблетки, после чего опустилась на стульчак и обхватила голову руками.

А дома сейчас, наверное, раздают бейглы со сливочным сыром по случаю второго дня материной шивы. Луиза взяла заскорузлое полотенце и завесила зеркало, потом сделала глубокий вдох и вышла в гостиную.

Леон старательно делал вид, что читает «Таймс», пока она

⁵ *Цимес* – традиционное новогоднее блюдо еврейской кухни, сладкое рагу из овощей.

бродила по комнате в поисках своих босоножек и холщовой сумки с логотипом журнала «Нэйшн» на боку, в которой лежали пять смятых долларовых банкнот, принадлежавший ее матери экземпляр «Золотой тетради» Дорис Лессинг, три жетона метро и расписание поездов в направлении Лонг-Айленда. Через несколько мучительно долгих минут она обнаружила вещи под диваном, застегнула ремешки, схватила сумку и, ни слова не говоря, ушла.

В одиннадцать утра она обнаружила, что сидит на крыльце какого-то дома на Восемьдесят Первой улице, с пересохшим ртом, разящая потом и сексом, и роется в сумке в поисках расписания электричек.

«Я могу вернуться обратно на шиву, – сказала она себе, поднялась на ноги и двинулась в сторону метро, убеждая себя в том, что в самом деле собирается это сделать. – Я просто вернусь туда».

Она медленным шагом дошла от Восемьдесят Первой улицы до станции метро. Из открытых по случаю летнего зноя окон уже неслись мелодии меренге и сальсы. В метро было душно и жарко. Луиза чувствовала запах своего киснувшего в собственном соку тела.

Показался и остался позади вокзал Пенн-стейшн, но Луиза не сошла с поезда. Вместо этого она доехала до Четвертой Восточной улицы и делала вид, что понятия не имеет, куда направляется, пока не очутилась перед домом Кенни Левинсона. Она знала, что он должен быть дома. Смена в лет-

нем лагере при каком-то непонятном заповеднике за городом, где он подвизался кем-то вроде спеца по ползучей живности, уже наверняка закончилась, и он вернулся к себе в квартиру, где проживал в обществе своих прелестных тварей.

Луиза со вздохом нажала номер четыре на домофоне, представляя его заставленную клетками с рептилиями крохотную студию с большой кроватью посередине. Если кто-то и понимал, что все человеческие существа суть мясо, то это Кенни с его змеями в брезентовых мешках.

– Да? – просипел домофон.

– Это Луиза. Ты один?

Он впустил ее в дом, и Луиза поднялась в квартиру.

– Выглядишь как полное дерьмо, – заметил он, окинув ее взглядом.

– Спасибо, – отозвалась она. – Я и чувствую себя как полное дерьмо. Я пропустила шиву матери.

– Класс, – сказал он.

– Зато ты, как обычно, выглядишь прекрасно, что позволяет тебе маскировать твой дерьмовый характер.

Он вскинул брови:

– Чем богаты, тем и рады.

На этом лимит ее разговоров с Кенни исчерпался, поэтому она подошла к кровати и принялась деловито раздеваться. Через несколько минут, пока он ее трахал, она заметила, что он переставил клетки. Она оказалась лицом к лицу

с тарантулом, который смотрел на нее с неммым вопросом в глазах.

«Восемь? – удивилась она. – Неужели у тарантулов восемь глаз?»

Передние два, самые заметные, казалось, спрашивали ее. «Зачем ты это делаешь, Луиза?» Она закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на механике собственного тела, но чувствовала себя зыбкой, расплывчатой, как карандашный набросок.

Кенни с рычанием кончил. Тарантул бесстрастно взирал на них. Боа-констриктор продолжал мирно спать. Луиза выбралась из-под Кенни и оделась.

– Как всегда, приятно было с тобой потрахаться, Луиза, – сказал Кенни ей в спину.

Пока Луиза спускалась с четвертого этажа, ей вспомнилась застенчивая улыбка Леона утром, его нерешительное «мне понравилось заниматься с тобой любовью» – и ее напыщенная отповедь.

– Да уж, ну и дерьмо же я, – пробормотала она себе под нос.

Она слышала звук своих шагов и чувствовала, как трутся под платьем друг о друга ляжки, но по-прежнему не уверена была, что существует. Каждый шаг был для нее личной вариацией дилеммы дерева, падающего в лесу, где его никто не может услышать: если девушка определяет себя как противоположность своей матери, а той больше не существует,

существует ли все еще сама девушка?

За те полчаса, что она шла до своей квартиры в Алфавит-сити, ей трижды померещилась в толпе мать. Каждый раз на крошечный, полный надежды миг женщина вдалеке устремляла на нее полный знакомого разочарования и презрения взгляд, а потом, при более внимательном рассмотрении, оказывалась равнодушной незнакомкой. В первый раз это была горничная-пуэрториканка, тайком курившая сигарету за дорогим таунхаусом. Потом – копия Джоан Баэз⁶, перебирающая нектарины перед входом в овощную лавку в поисках самого спелого. И под конец бездомная женщина в халате и меховых шлепанцах в виде кроликов в Томпкинс-сквер-парке. И каждый раз Луизе хотелось одновременно разрыдаться от разочарования и истерически расхотаться при мысли о том, каким оскорблением сочла бы мать такое сравнение.

«У тебя крыша едет, Луиза», – сказала она себе, опускаясь на скамейку напротив бездомной женщины, чтобы прийти в себя.

Она уставилась на шов в том месте, где заканчивались кроличьи уши и начинались собственно шлепанцы.

– У тебя все в порядке, милая? – спросила женщина.

Луиза вскинула глаза и обнаружила, что смотрит в неожиданное доброе лицо. Ей захотелось уткнуться в этот замыз-

⁶ *Джоан Баэз* (р. 1941) – американская певица и автор песен, исполняющая музыку в стиле фолк и кантри.

ганный халат и зарыдать. Она не нашла в себе мужества ответить на вопрос и предпочла позорно ретироваться. Весь остаток пути до дома она практически бежала, глядя прямо перед собой, лишь бы только не видеть больше никаких призраков.

Откопав в сумке ключи, она вошла в свою грязную съемную квартирку. Соседки, к счастью, не было дома, так что она принялась стягивать пропотевшую одежду прямо в коридоре, завершив этот липкий стриптиз перед зеркалом в комнате.

– У тебя все в порядке, милая? – поинтересовалась она у своего отражения в зеркале, подражая скрипучему голосу женщины из парка. – Выглядишь ты не очень.

– Я и чувствую себя не очень, – ответила она себе уже нормальным голосом.

Больше делать было нечего. Ни разговорами, ни сексом, ни алкоголем помочь тут было нельзя. Она оглядела свою постель, заваленную одеждой, которую на протяжении многих недель таскала из материного шкафа. Потом соорудила из всех этих свитеров с шарфами подобие гнезда и забралась внутрь. Там, окруженная знакомыми ароматами духов и нафталина и глинистым запахом материной плоти, она свернулась клубочком и уснула.

Тоскливые запеканки

1974

Леон бросил почту и учебники на пороге и подбежал к надрывающемуся телефону.

– Алло? – произнес он в трубку запыхавшимся голосом.

– Леон, это Шошанна.

Он испытал странное разочарование, хотя сам толком не знал, кого ожидал услышать.

– А, привет.

– Ты так и не ответил, придешь на мой завтрак по случаю Йом-кипура⁷ или нет. Мне нужно знать, сколько копченого лосося заказывать.

Леон вздохнул. На застольях, которыми славилась Шошанна, все и всегда было очень вкусно, но ему не хотелось снова встречаться с Луизой. У него несколько недель ушло на то, чтобы оправиться от эмоциональной травмы.

– Если будет Луиза, я не приду, – не стал он ходить вокруг до около.

– Что, все так плохо? – Судя по тону, Шошанна ничуть не удивилась. – Что она выкинула на этот раз?

– Сравнила меня с Гитлером.

⁷ *Йом-кипур* – «Судный день», самый важный из отмечаемых дней в иудаизме, день поста, покаяния и отпущения грехов.

Шошанна рассмеялась:

– Это чересчур даже для Луизы. – Она понизила голос практически до шепота. – Но думаю, стоит сделать скидку на ее состояние. Это был первый день шивы по ее матери.

– Что?

– На шаббатный ужин она приехала прямиком с шивы.

Леон молчал, занятый яростным переписыванием той их ночи в его квартирке. Теперь все встало на свои места: и яростная настойчивость, с которой она говорила о матери, и полотенце на зеркале, и странные слова, которые она бормотала во сне, и ее гневный монолог.

– Она, конечно же, ничего тебе не сказала, – произнесла Шошанна.

Леон принялся наматывать телефонный провод на палец.

– От чего умерла ее мать?

– От какой-то непонятной неврологии. – Шошанна на том конце провода принялась расхаживать по кухне, сгружая посуду в раковину. – Но, возвращаясь к нашей теме: на Йом-кипуре ее не будет, и мне нужно понимать, сколько лосося заказывать.

– Да-да, конечно, я приду, – рассеянно произнес Леон и, пробормотав все, что полагается говорить в таких случаях, поспешил завершить разговор.

Он тяжело опустился за кухонный стол и принялся отскребать ногтем присохший к облицованной пластиком столешнице яичный желток, вспоминая первый день шивы по

своему отцу. В памяти у него остались нескончаемо длинные вечера после отцовской смерти, когда они поедали одну за другой тоскливые запеканки, принесенные сочувствующими соседками, – бесконечную череду блюд, сливающихся в одну неразличимую мягкую серую массу. Он до сих пор терпеть не мог кугель⁸.

Леон вспомнил, как Луиза спала в его постели, зажав в кулаках смятую простыню, точно маленький ребенок, и его вдруг охватил внезапный прилив нежности к ней. Он взял трубку и перезвонил Шошанне.

– У тебя есть Луизин адрес? – спросил он. – Я хочу послать ей корзину с продуктами в знак соболезнования.

– Угу, – хмыкнула Шошанна. – Корзину с продуктами, как же.

Однако она отложила трубку и пошла за записной книжкой.

На следующий день занятий у него не было, поэтому Леон с картонной коробкой под мышкой отправился на метро в Ист-Виллидж. О том, что побудило его отвезти посылку лично, вместо того чтобы отправить почтой, думать он старательно избегал.

Он доехал до Алфавет-сити и принялся отыскивать нужный адрес, пробираясь между куч мусорных мешков и лавируя между замысловатыми квадратами для игры в «классики». Дверь в Луизин подъезд оказалась приоткрыта – он

⁸ *Кугель* – традиционное блюдо еврейской кухни, род запеканки или пудинга.

проскользнул внутрь и зашагал по пропахшей мочой лестнице на четвертый этаж. Он собирался оставить коробку с запиской у входа в квартиру, как вдруг дверь открылась, и он увидел на пороге сонную Луизу в одной футболке и трусах.

– Леон? – Вид у нее был такой, как будто она то ли едва проснулась, то ли готова была заснуть. – Что ты здесь делаешь?

– Я собирался оставить тебе подарок в знак соболезнования, – сказал он и дернулся в сторону лестницы, но Луиза вышла в коридор, преградив ему путь к отступлению.

Она присела на корточки и принялась разглядывать содержимое коробки, по очереди вытаскивая одно за другим.

– Морковка? – изумилась она. – Картофельные чипсы, рисовые крекеры, скотч? За этим всем стоит мысль, которую я не улавливаю?

Леон вздохнул, поняв, что избежать разговора все-таки не удастся.

– После того как умер мой отец, соседи забили наш морозильник запеканками и супами. Я, наверное, целый год тогда не ел ничего хрустящего. Решил принести тебе что-нибудь хрустящее.

– И скотч.

– И скотч. Просто на всякий случай.

Луиза распрямилась и в упор посмотрела на Леона.

– Это самый продуманный подарок, который я получила после смерти матери.

Чтобы не смотреть ей в глаза, он уткнулся взглядом в пол. Ногти на ногах у нее были покрашены красным лаком, который местами уже облупился.

– Прости, что вела себя тогда как последняя свинья. Допускаю... – она немного помолчала, еле заметно ему улыбнувшись, – что я самую капельку рисовалась.

Леон посмотрел на ее замызганную футболку, нечесанные волосы и бледные уязвимые ноги и подумал: «Ну что же я за тюфяк такой». Вместо злости его снова охватило все то же опасное чувство нежности.

– Ну, – сказал он, не готовый пока окончательно ее простить, – наверное, горе способно превратить в свинью кого угодно.

А потом, не выдержав, признался:

– Я полгода после смерти отца прикарманивал все, что плохо лежит.

– В самом деле? – Луиза склонила голову набок. – Драгоценности? Картины импрессионистов? Спортивные машины?

Она переигрывала, но в этом было столько одиночества, что у него защемило сердце.

– Все вышеперечисленное, – подхватил он, – хотя специализировался я на жвачке и коллекционных бейсбольных карточках.

– Разумный подход, – произнесла Луиза, отступая к двери. – Я слышала, жвачка не падает в цене.

– Поэтому я храню ее в сейфе, – кивнул Леон. – Если на нас нападут нацисты, я всегда смогу запихать ее себе в задницу и сбежать из страны.

Обыкновенно он не отваживался отпускать шутки такого рода, но сейчас был рад, что у него хватило смелости, потому что она запрокинула голову и расхохоталась.

– Не хочешь зайти и похрустеть чем-нибудь за компанию?

– С удовольствием, – ответил Леон, признавшись себе в том, что в глубине души с самого начала на это надеялся.

Она провела его в убогую гостиную. Он заметил, что волосы на затылке у нее сбились в колтун. На диване беспорядочными кучами валялась элегантная дамская одежда – шарфы, которые выглядели так, будто были куплены в сувенирной лавке при Музее современного искусства, дорогие пальто из магазинов, куда он ни разу в жизни не заходил, вроде «Сакса» и «Блумингдейла». На ящике из-под молока, который играл роль кофейного столика, было устроено подобие импровизированного алтаря. Леон даже остановился, чтобы повнимательнее рассмотреть этот странный набор предметов: поминальную свечу ярцайт, картонную коробочку с прокисшей китайской едой, из которой торчали деревянные палочки, экземпляр «Недовольства культурой» Фрейда и винный бокал, до краев наполненный то ли сахаром, то ли солью. Обогнув угол, он последовал за Луизиными бледными ногами в грязную кухоньку. На столе стоял недоеденный ку-гель. Картошка, из которой он был приготовлен, окислилась

и приобрела неаппетитный серовато-голубой оттенок.

– Я вижу, тебе тоже не удалось избежать тоскливых запеканок, – заметил Леон.

– К счастью, у меня крохотная морозилка.

Луиза махнула рукой в сторону одного из двух стульев, а сама тем временем достала из шкафчика два относительно чистых стакана и налила в оба скотча. Потом, положив ногу на ногу, устроилась на шатком стуле напротив. Леон опасался, как бы тот не опрокинулся.

– Так, значит, ты в детстве подворовывал? – спросила она, минуя этап вежливой беседы ни о чем.

– Угу, с десяти до одиннадцати лет я был настоящим клептоманом. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы предположить: я, видимо, считал, что мир передо мной в долгу.

Луиза отхлебнула скотча и разорвала пакет с чипсами.

– А я вру, – призналась она. – Всем и про всё. На днях я сказала кому-то, что мой день рождения одиннадцатого мая, а не двадцатого, абсолютно безо всякой причины. А какому-то парню в баре наврала, что играю на скрипке, а не на виолончели. И это даже не попытки интересничать, нет, я почему-то просто не могу ответить честно.

– Почему?

– Не знаю.

– И когда это началось?

Он произнес это с профессиональной психотерапевтической интонацией и сам поморщился, но она ничего не заме-

тила.

– Во время шивы. Все говорили идиотские банальности о моей матери, и мне приходилось говорить идиотские банальности в ответ, а потом я просто не смогла остановиться.

– Ну, учитывая твоё отношение к эвфемизмам, могу представить, как тебя это разозлило.

Теперь в его голосе против воли прозвучала горечь.

– Прости. Мне не стоило выплескивать все это на тебя. Просто мне иногда совершенно необходимо обгадить что-то хорошее, понимаешь? Во всяком случае, так всегда говорила моя мать, хотя она использовала более научную терминологию. – Луиза распрямилась, раздула ноздри и заговорила гнусавым высокомерным голосом: – «Ну вот, Луиза, опять ты затеваешь ссору, чтобы избежать близости».

Леон знал, что должен рассмеяться, но все еще испытывал обиду, поэтому ограничился сухой улыбкой.

– Вот видишь, – сказала Луиза, глядя ему прямо в глаза. – Я знаю себя как облупленную, я разбираюсь в психологии – а толку-то? Это все в пользу бедных.

– Ты только что одним махом дискредитировала всю мою профессию.

– Не-а, – покачала головой Луиза. – Просто на меня психотерапия не действует. Когда варишься во всем этом с рождения, в конце концов становишься невосприимчив. Это как выработка устойчивости к мышьяку.

– По-твоему, это должно меня утешить?

– Мне по барабану, – пожалала она плечами.

Он закатил глаза, и некоторое время оба молчали. Потом Луиза начала пальцем чертить на запотевшем столе свои инициалы.

– С тобой приятно разговаривать, – произнесла она. – Все обращаются со мной как с прокаженной. Будто смерть – это что-то заразное. Никто больше меня никуда не зовет. А если и зовут, то не понимают, как себя вести.

Леон покрутил свой бокал, глядя, как янтарная жидкость на дне лижет стенки.

– Никто не понимает, как говорить о смерти. Знаешь, что я ненавижу? – признался он с неожиданной горячностью, осознав вдруг, что больше десяти лет ждал возможности поговорить об этом. – Когда в разговоре случайно всплывает, что мой отец умер, и мой собеседник принимается изо всех сил извиняться, как будто до того, как он меня спросил, я об этом не помнил.

– Именно! – практически закричала Луиза. – А потом я же еще должна его утешать – а я, разумеется, этого не делаю.

– Разумеется.

Он принялся теревить упаковку из-под чипсов, прижав ее к столешнице и ногтем большого пальца разглаживая складки.

– Меня звать никуда не перестали, – сказал он. – Наоборот, начали звать повсюду. Все соседские мамы переживали, что у меня не будет мужской ролевой модели, поэтому

заставляли всех папаш брать меня с собой на бейсбольные матчи. Я побывал, наверное, играх на двадцати – а я ненавижу бейсбол. Я был бы счастлив, если бы люди оставили меня в покое.

Ему живо вспомнился спасительный закуток под трибунами на стадионе и тусклый свет, который просачивался между металлическими рейками, так что он даже мог что-то разглядеть на страницах своего комикса. После матча папаше, которому он был поручен, приходилось выманивать его на свет. В то лето он почти не выходил из своей комнаты, одну за другой рисуя карты с маршрутами побега. По ночам он спал, с головой забравшись под одеяло, поскольку был убежден, что под окнами рыщут чудовища, только и ждущие возможности пробраться к нему в комнату. В те несколько кошмарных минут, что он проводил в темноте, прежде чем заснуть, он подбадривал себя мыслями: «Я не мальчик, я просто ворох одежды под одеялом».

Он посмотрел на Луизу, бледную и маленькую на своем стуле. Ему хотелось спросить о том, что происходит у нее в гостиной. Но он удержался от этого вопроса, потому что знал: нет ничего более интимного, чем хаотическая логика горя.

Луиза потеряла глаза и с трудом подавила зевок.

– Ты что, спала, когда я пришел? – спросил Леон.

– Да нет, не то чтобы. В голове всякие мысли крутятся.

– У тебя такой вид, как будто ты вот-вот уснешь.

Она вскинула пустой стакан из-под скотча.

– Возможно.

– Я пойду, – сказал Леон. – А ты попытайся поспать.

Ему хотелось взять ее за руку и отвести в спальню – которая, подозревал он, была точно такой же грязной, как и все остальное в этой захламленной квартирке, – лечь с ней рядом на несвежую простыню и гладить по спутанным волосам, пока она не уснет. Но вместо этого он поднялся, проскрежетав ножками стула по липкому полу, и двинулся к двери.

– погоди! Леон! – крикнула Луиза, хотя он не успел еще даже выйти из кухни. – Я завтра буду в твоих краях. Я собиралась совершить ташлих в Риверсайд-парке. Хочешь пойти со мной?

– Ташлих? – переспросил Леон.

– Ну, знаешь, такую штуку, которую мы, евреи, делали тысячи лет. Это когда мы бросаем наши грехи в реку на еврейский Новый год, – пояснила Луиза с той самодовольной снисходительностью, какую он помнил по монологу в его спальне.

Он почувствовал, как мышцы лица стягиваются в маску, точно экзоскелет.

– Прости, прости, – произнесла она, вскидывая руку, чтобы остановить его, и принялась наматывать на палец прядь невымытых волос. – Я начинаю вести себя мерзко, когда чувствую себя уязвимой, понимаешь? Но на сей раз я сдержалась. Разве это не считается?

Леон сделал глубокий вдох и совсем слабо, еле заметно, кивнул головой.

– Хлебные крошки, – произнес он через минуту.

В голове у него всплыли смутные воспоминания о том, как они с его учительницей иврита, миссис Рокич, ходили к реке на Рош-Хашана⁹ – сколько ему тогда было? Восемь? Девять? – с набитым хлебными крошками пакетиком в кулаке.

– Что?

– Хлебные крошки. Кидаешь их в реку, и все твои грехи магическим образом пресуществляются в крошки?

– Да, все верно, – сказала Луиза и потерла глаза ладонями.

– Но почему ты совершаешь, – он запнулся, подыскивая ивритское слово, – ташлих?

Луиза с раздражением выдохнула.

– Потому что я хочу, чтобы этот год закончился. Я хочу начать все с чистого листа. Я все уже перепробовала. – Она махнула в сторону гостиной со странными атрибутами несработавших ритуалов. – И я подумала, зачем изобретать колесо, когда существует тысячелетняя мизогиническая религия, которая уже придумала все за меня. Устраивает тебя такое объяснение?

– Устраивает, – кивнул он.

Она положила руки на бедра.

– Ну и как ты оцениваешь мою попытку перейти от враждебности к уязвимости?

⁹ *Рош-Хашана* – еврейский Новый год.

– На четверочку. Неплохо, но еще есть к чему стремиться.

– Да пошел ты, Леон.

– А теперь, пожалуй, снижу до тройки.

Они ухмыльнулись друг другу.

– Завтра в десять?

– Завтра в десять, – кивнул он.

Стоял один из тех изумительных осенних дней в Нью-Йорке, когда большая часть листьев еще оставалась на деревьях, а те, что уже лежали на тротуаре, были еще не слишком изгажены собачьим дерьмом.

– Господи Иисусе, ты посмотри только на эту толпу хасидов, – сказала Луиза, когда они вошли в парк и сквозь поток машин, едущих по Вестсайдскому шоссе, показалась река.

Леон сощурился, глядя на колышущуюся черную массу вдалеке. Мало-помалу смутные очертания превратились в молящихся людей в одежде из восемнадцатого века.

Когда они подошли поближе, до него донеслись звуки коллективной молитвы и восточноевропейские причитания, сопровождаемые гудками машин и будничным шумом города.

– Давай сядем вон под тем деревом, – предложила Луиза. – Я сейчас не в силах пробиваться через эту стену шовинизма.

Они подошли к высокому дубу с толстыми корнями.

– У меня есть травка, – сообщила Луиза, доставая из кармана пальто ровненький тугой косяк и зажигалку.

Леона не удивило, что Луиза умеет скручивать идеальные косяки. У него самого они выходили кривобокие и неаккуратные и неизменно разваливались после одной-двух затяжек.

Они улеглись на траву и принялись передавать друг другу косяк. Леон смотрел на солнце, просачивавшееся сквозь поредевшую листву, и чувствовал, как с каждой затяжкой по телу разливается приятная истома.

Луиза ткнула косяком в сторону молящихся на берегу мужчин.

– Первым воспоминанием моей матери был ташлих на этом самом месте. Ей влетело за то, что она отдала свои крошки уткам вместо того, чтобы бросить их в реку. Когда я была маленькой, мы не ходили на Рош-Хашана в синагогу. Мы шли к ближайшему пруду и просто скармливали уткам целую буханку хлеба.

– Кажется, это хорошее воспоминание.

– Оно и есть хорошее. Когда я была маленькой, мы с ней вполне ладили.

Они некоторое время молча лежали рядышком, соприкасаясь кончиками пальцев. В воздухе разливался свежий запах палой листвы, наполняя Леона каким-то глубинным ощущением надежды на лучшее.

– Это, наверное, странно: одновременно скучать по человеку и отчаянно его ненавидеть? – спросила Луиза, вторгаясь в его мысли.

– Вообще нет. На мой взгляд, это нормально, просто большинство не хочет в этом признаваться. – Леон перевернулся на бок и приподнялся на локте. – Так что ты сказала бы о ней на службе, если бы говорила искренне?

Луиза повернулась к нему лицом.

– Кое-что плохое, вроде того, что я наговорила тебе тогда у Шошанны. Но и кое-что хорошее тоже. Мне многое в ней нравилось. Мне нравилось, что она была язвительной и упертой. Она не подчинялась ничьим правилам. Когда блюстители нравственности подали в суд на издательство, выпустившее без купюр «Любовника леди Чаттерли», она купила книгу в магазине и дала ее мне прочитать. Мне тогда было двенадцать.

– Двенадцать?

– Да, двенадцать. – Луиза принялась методично обдирать красный кленовый лист вдоль прожилок, складывая обрывки в кучку на траве между собой и Леоном. – Она всегда верила, что я способна стать великой. Это очень давило, но в то же самое время, если откровенно, заставляло меня чувствовать себя особенной. Разумеется, я вечно ее разочаровывала, потому что демонстрировала только «неплохой уровень». Во время нашей последней беседы – я тогда еще училась в консерватории в Оберлине, а она уже была больна, – она разговаривала совсем с трудом, однако же умудрилась произнести «Четвертая виолончель?» с таким пренебрежением, что я потом неделю не притрагивалась к инструменту.

Боже, как же я ее ненавидела. Но приятно было знать, что в мире есть человек, который считает меня способной на блестящие свершения. Мне уже этого не хватает.

Леон потянулся и взял ее за руку. Мимо них прошла замученная хасидская женщина в застиранном платке с выводком ребятишек мал мала меньше, цепляющихся за ее подол.

– Но больше всего я благодарна матери за то, что я не она. – Луиза кивнула на хасидку, которая кричала на своих детей на идиш, пытаясь загнать их в туннель, ведущий к реке. – Если бы у моей матери не было мрачной решимости и стремления вырваться из той жизни, это сейчас была бы я.

Леон мысленно наложил на хасидку лицо Луизы и на краткий безумный миг поверил, что это и в самом деле Луиза из альтернативной реальности. Он представил себе маленькую однообразную жизнь альтернативной Луизы, и ему стало невероятно грустно. Женщина один за другим высморкала три сопливых носа, в то время как самый младший беспрестанно дергал ее за юбку, и Леон испытал прилив горячей благодарности к матери Луизы.

– И как твоя мать вырвалась? – поинтересовался он.

– Я не знаю, – сказала Луиза. – Это тайна, покрытая мраком. Но в глубине души мне иногда кажется, что если она и вырвалась, то не до конца. Какая-то часть ее застряла в этом мире. Она не верила в Бога, но местечковые суеверия в нее въелись намертво. После ее смерти я обнаружила соль в карманах всех ее жакетов и на дне всех ее сумочек.

– Зачем ей понадобилось сыпать в карманы соль?

– Это все баббе-майзе, бабьи сказки, – нетерпеливо пояснила Луиза. – Когда покупаешь одежду или въезжаешь в новый дом, нужно положить соль в карманы и посыпать ею все углы в комнате, чтобы отогнать диббуков. Ну, злых духов. Разве в твоей семье так не делали?

– Нет, – покачал головой Леон. – Моя мать не склонна к суевериям. К ожесточенной враждебности – да, но не к суевериям.

– Ну а когда моя суперпродвинутая мама-психоаналитик отвезла меня в колледж, то насыпала соли во все четыре угла моей комнаты в общежитии. Мне пришлось соврать шиксе-соседке, что это от муравьев.

– Ну и как, донимали тебя духи? – фыркнул Леон. – Может, соль сработала.

– Очень смешно.

Луиза уселась и обхватила себя руками. Ему хотелось коснуться ее спины, но он побоялся, что она разозлится.

– Могу я кое в чем тебе признаться? – спросила она тоненьким голосом.

– Конечно.

– Мне кажется, она меня преследует. Моя мать. После того как я сбежала с шивы, она снится мне каждую ночь. И не просто снится, а терроризирует меня своими придирками. Что бы я ни делала, ей все не то и не так. И она мерещится мне по всему городу. Я много дней уже толком не спала. Не

знаю, что нужно сделать, чтобы она оставила меня в покое.

Леон попытался придумать, как бы помягче сформулировать что-то вроде «это не она тебя преследует, это ты не можешь ее отпустить», но потом посмотрел, как Луиза обеими руками обнимает собственные колени, и благоразумно не стал ничего говорить. Он не мог сказать ей ничего такого, чего она не знала бы без него. У него не было никаких ценных соображений относительно горя, которыми он мог бы поделиться. Он до сих пор иногда по ночам с головой накрывался одеялом и думал: «Я не мужчина, я просто ворох одежды под одеялом».

– Так вот зачем мы здесь? Чтобы изгнать ее призрак?

Луиза кивнула.

– Что это означает? – спросил Леон.

Доносившиеся от воды приглушенные слова молитв придавали погожему дню слегка зловещий оттенок и размывали обыденные очертания реальности.

– Я не знаю, – сказала Луиза. – Я пробую все подряд. Я надеялась, что, вернувшись в это место, пойму, что делать. Может быть, если я искуплю то, что оказалась полным ничтожеством, она оставит меня в покое. Или, может, она хочет, чтобы я в последний раз покормила уток. А может, единственное, что меня спасет, это место в Нью-Йоркской филармонии.

– Ты не ничтожество, – возразил Леон.

– Полагаю, у вас с Фрейей Ракофф очень разные понятия

о том, кто ничтожество, а кто нет. – Луиза поднялась и, протянув Леону руку, вздернула его на ноги. – Давай покончим с этим.

Она сунула руку за пазуху пальто и вытащила пригоршню соли.

– Но сперва я на всякий случай положу это тебе в карман. Она из заначки моей матери. Местечковая соль из «Сакса» на Пятой авеню.

Луиза высыпала белые кристаллики в карман его джинсов, и Леон покраснел от небрежной интимности этого жеста. Он не очень понимал, как его угораздило стать аксессуаром в Рош-Хашановском экзорцистском обряде, но ни за что не хотел бы это пропустить, несмотря на то, что ему было страшно.

Она крепко взяла его за руку, и они двинулись через туннель, проложенный под Вестсайдским шоссе, к толпам у реки. Леон случайно выпустил ее руку, и его немедленно затянуло в потеющую массу облаченных в черное тел. Он запаниковал, не в силах отличить их лица одно от другого, убежденный в своем наркотическом помрачении, что все эти мужчины – не отдельные личности, а щупальца огромного лавкрафтианского чудища. Он выбрался на поросший травой пяточок и, пытаясь отдышаться, принялся отчаянно озираться по сторонам в поисках Луизы. Она постучала его по плечу.

– Ты в порядке?

– Нет, – сказал он. – Я обкуренный и на измене. Сколько я выбирался из толпы? Двадцать минут? Тридцать?

Луиза со смехом взглянула на часы:

– Минуты две, две с половиной?

Она свернула к воде, но Леон протянул руку и схватил ее.

– Не бросай меня.

Луиза обернулась с выражением, истолковать которое Леону сейчас, в его состоянии, было не под силу. Снисхождение? Сострадание? Недоумение? Все сразу?

– Неслабо тебя накрыло.

– Это моя гипервентиляция навела тебя на мысль? – выдавил он из схлопывающихся легких. – Я не могу дышать. Кажется, у меня сердечный приступ.

– Да нет у тебя никакого сердечного приступа.

– Откуда ты знаешь? Ты что, врач?

– Нет, я опытная потребительница. И я хорошо в этом разбираюсь. Я, можно сказать, эксперт по паническим атакам под марихуаной. Поверь мне, я знаю, что с этим делать. – Она взяла его руки в свои. – Ты знаешь анекдот про то, как еврей и католик попали в авиакатастрофу?

– Ты серьезно пытаешься рассказать мне сейчас анекдот?

Луиза проигнорировала его.

– Так знаешь или нет?

Леон покачал головой, пытаясь не смотреть на хасидов справа и слева от него.

– Сфокусируй взгляд на мне, – велела она.

Он кивнул, внезапно расхотев пререкаться. Ее властный голос действовал на него успокаивающе.

– Ну так вот, попали еврей и католик в авиакатастрофу.

– А что ее вызвало? – перебил Леон, воображая самолет, который падает с неба и обрушивается прямо на них, укрыться на берегу было негде, и это его беспокоило.

– Это не важно, – с легким раздражением в голосе отмахнулась Луиза. – Но я могу сказать тебе, что в этой авиакатастрофе никто не погибнет. Так легче?

Леон снова кивнул.

– Ну и вот, выбирают еврей и католик из-под обломков самолета, католик видит, как еврей крестится, и говорит: «Я рад, что ты пришел к Иисусу». Еврей спрашивает: «Ты о чем?» Католик отвечает: «Ты только что перекрестился».

Луиза выпустила руки Леона и осенила себя крестным знаменем. Ему показалось, что толпа попятилась от них, и он почувствовал на своей коже дуновение свежего воздуха. Он был совершенно уверен, что все хасиды до одного взирают на них с ужасом, но ему было так страшно, что он не отваживался повернуть голову.

– А еврей ему и отвечает: «Вот еще! Даже не думал». И снова крестится, приговаривая: «Очки, яички, бумажник, сигара». Дошло? Очки. – Она коснулась глаз. – Яички.

Она коснулась паха.

– Бумажник. – Она похлопала себя по левой груди. – Сигара.

И по правой.

Леон проследил глазами за движением ее пальцев. Он отметил, что на ней нет лифчика.

– Так, – сказала Луиза. – Очки при тебе?

Леон поднял руку и ощупал свои очки.

– Да.

– Яички?

– А где же им еще быть? – с невозмутимым видом отозвался Леон.

– Бумажник?

– Угу. – Он похлопал себя по заднему левому карману.

– Ну а вместо сигары пускай у нас будут ключи.

Леон ощупал металлический стержень, впивающийся в левое бедро.

– Тут.

– А теперь повторяй за мной, – велела Луиза. – Очки, яички, бумажник, сигара.

– Очки, яички, бумажник, сигара, – подчинился Леон.

– Вот видишь? Теперь ты в порядке.

Он и в самом деле был в порядке. Он знал: когда его отпустит, ему будет стыдно за то, что его так накрыло, но сейчас он искренне верил, что Луизино заклинание спасло ему жизнь. Дыхание его успокоилось, ощущение осеннего воздуха в легких было упоительным.

– Ну что, – сказала Луиза, – готов свалить отсюда?

– Но как же наши грехи?

– Ну их к черту. Теперь, когда я здесь, все это кажется мне неправильным. Моя мать ненавидела этих людей. Если бы я совершила ташлих, она потом бы меня за него с потрохами съела. К тому же я хочу черно-белого печенья.

Он взял ее за руку. Она повела его за собой сквозь толпу мужчин, которые больше не казались спрутообразным чудовищем, а превратились в кучу неопрятных неббишей¹⁰ в дурацких шляпах. Хасиды расступались перед Луизой, чтобы ненароком ее не коснуться. Объяснение у этого фокуса было самое что ни на есть прозаическое, и все равно это казалось Леону каким-то чудом, наподобие того, как Моисей заставил расступиться Красное море¹¹.

– Кажется, я кое-что про тебя понял, – сказал Леон, когда они очутились в пустом туннеле под шоссе.

– Ну и что же ты понял?

– Ты ведьма из Борщового пояса¹².

Она засмеялась. Кажется, эта мысль ей понравилась.

– И что это значит?

– Ты пустила в ход магию. Отогнала злых духов и спасла меня.

¹⁰ *Неббиши* – неудачник, слабак.

¹¹ В ортодоксальном иудаизме мужчина не может прикасаться к женщине, которая не является его женой.

¹² *Борщовый пояс*, или Еврейские Альпы – разговорное название курортного района в Катскильских горах к северу от Нью-Йорка. Эти курорты были популярны среди американских евреев, иммигрантов из Восточной Европы, в 1920–1960-х годах.

– Нет. Я не дала тебе сесть на измену.

– Нет, – твердым тоном произнес он. – Ты сделала нечто большее. Я хочу сказать, что если твоя мама – диббук, то в твоей власти изгнать ее из твоей жизни.

– Да? – сказала Луиза. – И каким же образом?

– Не знаю, – ответил Леон. – Но я же не ведьма. Это ты ведьма.

Они были уже почти в конце туннеля. Леон плелся нога за ногу – ему не хотелось снова погружаться в повседневность. Он боялся, что она выпустит его руку и они разойдутся по своим отдельным квартиркам и своим отдельным жизням; что странная интимность этого дня развеется, как только они вновь окажутся в городе. Он притянул ее к себе и поцеловал, вспомнив тот миг всего несколько недель тому назад, когда они, обнаженные, наконец очутились в постели и их тела впервые соприкоснулись кожа к коже. Он всегда любил его больше всего – это ощущение сродни полной дезориентации, когда ныряешь в ледяное горное озеро, а потом все твои чувства медленно переориентируются на новую водную реальность.

Шумное семейство вошло в туннель позади них. Идишские слова эхом заметались между бетонными стенами, и они отпрянули друг от друга, но Луиза не выпустила его руки. По-прежнему держась за руки, они вынырнули в парк и как по команде заморгали, ошарашенные обрушившимся на них обычным осенним днем. Леон повернулся к Луизе и

увидел, что она плачет.

– Я что-то сделал не так? – спросил он.

– Нет, – ответила она. – Просто, если она перестанет меня преследовать, это будет означать, что ее больше нет. Совсем нет.

– Да, – сказал Леон и с трудом подавил побуждение обнять ее и утешить, потому что она в этом нуждалась. – Тебе еще долго будет ужасно плохо.

Они нескончаемо долго молчали. Потом Луиза тыльной стороной рукава утерла глаза.

– Спасибо тебе, – произнесла она.

– За что?

– За честность. За то, что не стал говорить мне всякие благоглупости.

– Всегда пожалуйста. Обращайся, – шутливым тоном произнес Леон.

Луиза немедленно выдернула у него руку.

– Не надо так, – сказала она дрожащим голосом. – Не надо говорить такие вещи, если ты не всерьез.

– Это всего лишь расхожее выражение, – начал было оправдываться Леон, но эти слова прозвучали неискренне даже для его ушей, потому что соль жгла его сквозь карман джинсов.

Был самый священный день в году, и они застряли где-то посередине ритуалов, которых он толком не понимал.

– Но я говорю это совершенно всерьез, – произнес он

торжественным и будто чужим голосом, чувствуя вес своего обещания где-то глубоко в груди, в паху, в ногах. – Клянусь, никаких благоглупостей и эвфемизмов, насколько это будет возможно.

Луиза некоторое время внимательно смотрела на него, потом кивнула.

– О'кей, – сказала она таким тоном, как будто приняла какое-то важное решение; словно только что родилось нечто вроде обета.

– О'кей, – эхом отозвался он.

Они застенчиво улыбнулись друг другу: островок неподвижности посреди колышущегося вокруг моря хасидов.

Часть вторая 1979–1990

Розенберг-младшая 1979

Они не планировали называть Розенберг-младшую Лидией. Просто другого имени им придумать не удалось. Все казалось какими-то неподходящими, и никто не хотел навязывать собственному ребенку имя, которое ему не подходило. Они ждали озарения. Все ждали, ждали и ждали.

Они принесли ее домой накануне самой сильной снежной бури за последние несколько десятилетий, и снег валил несколько дней подряд, в то время как она беспрерывно кричала. Вместо того чтобы погрузиться во временную тишину, которую снежные бури обыкновенно приносят в Нью-Йорк, весь дом не знал покоя из-за воплей малышки. Она не желала ни спать, ни брать грудь. Даже в помраченном из-за недосыпа состоянии они отдавали себе отчет в том, что эти три дня были адом не только для них самих, но и для Чангов сверху, Шапиро снизу и Доминго напротив.

– Нам удалось взбесить представителей трех разных культур, – заметила Луиза в одну из ночей, когда на часах было

четыре. – Не каждый ребенок может похвастаться таким в возрасте менее недели от роду.

Чего они только не перепробовали, пытаясь ее усыпить. Они пели все колыбельные, какие только знали. Леон исчерпал весь свой репертуар песен Пита Сигера и Вуди Гатри. Луиза исполнила всю Джоан Баэз и Джони Митчелл и даже промурлыкала несколько классических симфоний от начала до конца. Но Розенберг-младшая все вопила и вопила, а снег все падал и падал. С отчаяния они достали бутылку красного вина в надежде, что, насосавшись алкоголя с молоком матери, Розенберг-младшая наконец отрубится, но в итоге лишь оба напились.

– К черту колыбельные, – сказал Леон, в котором уже плескались три бокала вина. – Давай петь все барные песни, какие знаем. Может, у нее на колыбельные парадоксальная реакция.

Вот так и вышло, что на пятый день отцовства он в три часа ночи выплясывал по квартире, исполняя импровизированный тустеп: «Лидия, Лидия, знаете ль вы Лидию? Лидию, ту, что вся в тату?» После трех пьяных кругов по тесной комнатухе, заваленной сумками для подгузников, бутылочками и мокрыми пеленками всех форм и размеров, малышка впервые за все время затихла, точно по мановению волшебной палочки. Но едва он прекратил петь, как она немедленно завопила снова, поэтому весь следующий час они с Луизой пели без умолку, на ходу придумывая стихи, поскольку

знали только припев, пока наконец дитя не уснуло глубоким спокойным сном.

Обессиленные, они рухнули на диван. Малышка Лидия мирно сопела в своей колыбельке.

– Кажется, у нас есть имя, – произнес Леон, наматывая на палец прядь липких Луизиных волос (что это? Отрыжка? Моча? Грудное молоко?).

– Да уж, все звезды и впрямь сошлись, – отозвалась Луиза, еле ворочая языком от усталости. – Давай впишем его в чертово свидетельство о рождении и покончим с этим.

– А знаешь, – сказал Леон, – мать пела мне эту песню, когда летом мы ездили на поезде на Кони-Айленд. Одно из моих лучших воспоминаний о ней.

Он ожидал, что Луиза ответит в ответ какую-нибудь колкость, но она уже спала. В приступе внезапной ностальгии по своей молодой матери он решил, что все равно продолжит с ней разговаривать.

– Я знаю, что ты считаешь ее обозленной на весь мир желчной старухой, но, когда я был маленьким, она была прекрасной мамой. Мы ездили на Кони-Айленд; у нее был такой модный ярко-красный купальник, и она часами сидела со мной рядом и строила песочные замки. А потом я спал у нее на коленях всю дорогу домой.

Луиза начала негромко похрапывать. Леон понимал, что ему тоже надо поспать, но ему нужно было еще раз взглянуть на тельце Лидии в колыбельке, чтобы убедиться, что

она в самом деле спит, а не умерла. До того как она появилась на свет, он считал, что познал ужас: пережил вооруженное ограбление – во время его первой работы в социальной службе недовольный клиент гонялся за ним вокруг его же собственного стола с ножом, – а к десяти годам похоронил отца. Но теперь, светя фонариком на грудку Лидии, чтобы убедиться, что она все еще вздымается и опадает, он осознал: прежде он понятия не имел, что такое настоящий страх. Кажется, с тех пор как Лидия появилась на свет, он не сомкнул глаз. Измученная Луиза отрубалась сразу же, едва малышка задремывала, и подскакивала при первом же писке, Леон же не мог расслабиться ни на секунду.

В свете фонарика Лидия казалась еще больше похожей на инопланетянку. Личико все еще сморщенное, как у бульдожки, кожа пропитана амниотической жидкостью, а глаза пугающе голубые. (Почему никто не сказал, что даже еврейские младенцы появляются на свет с голубыми глазами?) Она казалась ему одновременно ужасно чуждой и ужасно родной. Он решил, что спать сегодня не будет, а будет сидеть рядом с ней, внимательно прислушиваясь к ее дыханию на предмет подозрительных заминок. В теле его бушевал адреналин, готовность сражаться непонятно с кем. С волками? С грабителями? С нацистами? С пришельцами из космоса? Он знал лишь, что всего за пять дней его ДНК целиком и полностью изменилась, и теперь он – прежде всего отец.

Лидия сжимала и разжимала крохотные кулачки. Луиза

храпела на диване. Обогреватель шипел и плевался. В комнате пахло паром и молоком. Вопреки собственной решимости Леон почувствовал, что его начинает клонить в сон. Пар о чем-то напоминал ему, задевал какую-то струнку в мозгу. Он на минутку прилег на другой край дивана и закрыл глаза.

«Точно, – подумал он, пристраивая голову на подлокотник, – так пахло, когда мать гладила белье».

Ему вспомнилось, как он калачиком сворачивался в корзине для белья по субботам, пока она гладила постельное, подпевая радио. Сколько ему тогда было? Три? Четыре? Пять? Она всегда жертвовала одной простыней, стаскивая белый хлопковый прямоугольник с гладильной доски и укутывая с головой его сонное тельце. «Спи, бубеле», – говорила она, и он, убаюканный запахами пара и мыла, засыпал в лучах света, просачивавшегося сквозь белый хлопок.

Радиатор зарычал. Луиза придвинулась к нему, и, хотя Леон собирался всю ночь не смыкать глаз, он уснул.

Каким-то чудом Лидия проспала всю ночь, пропустив даже кормление, и все они проснулись почти через шесть часов, когда над девственно-белым заснеженным городом во всю светило солнце. Они еще ползали по квартире в полусне, когда в час дня снизу позвонили. Леон нажал кнопку домофона и был потрясен, когда из динамика, пробиваясь сквозь помехи, послышался трескучий голос матери. Закралось подозрение, что это он вызвал ее своими вчерашними воспоминаниями.

– Я пришла посмотреть на внучку! – заявила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.